

УДК 53(09)

ОРГАНИЗАТОР И ПЕРВЫЙ ДЕКАН ФИЗИКО-ТЕХНИКОВ (К 95-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВАДИМА НИКОНОВИЧА ТИТОВА)

М.Ф. Ткаченко

Томский политехнический университет

Тел.: (382-2)-41-91-42

Описан жизненный путь организатора и создателя физико-технического факультета ТПИ Вадима Никонovichа Титова (1909–1965).

26 июня 2004 г. исполнилась 95-я годовщина со дня рождения Вадима Никонovichа Титова, нашего наставника, Учителя. Тем, кем многие из нас ныне стали, во многом обязаны ему. К сожалению, приходится отметить, что его с нами нет уже 39 лет.

Вадим Никонovich выходец из семьи рабочего, очень рано сам начал трудовую деятельность – с 1924 г. Он прошел рабфак, затем была учеба в ТТИ (ТПИ, ТПУ), который он закончил в 1934 г. По окончании вуза он работает на должности ассистента. Но его педагогическая деятельность была прервана долгосрочной командировкой: по заданию горкома партии он был направлен на Томскую теплоэлектроцентраль на должность главного инженера. Через 2 года он возвращается в ТТИ, занимается НИРом, за два года выполняет и защищает кандидатскую диссертацию. Однако дальнейшую научно-педагогическую деятельность прерывает Великая Отечественная война 1941–1945 гг. В военные годы Вадим Никонovich служит в рядах Советской армии. В чине инженер-капитана в 1945 г. он был отозван из

армии и направлен в наш институт, с которым уже не расставался до конца своей жизни.

В послевоенный период на его долю выпала большая работа по организации ФТФ, (бессменным деканом которого он был на протяжении 13 лет) по организации новой кафедры 24 и по организации электротехнического отдела научно-исследовательской лаборатории № 4.

Рассматривать дальнейший жизненный путь Вадима Никонovichа невозможно без упоминания истории ФТФ и научных работ, проводимых на факультете и в ТПИ того периода. Это были послевоенные годы, когда уровень Советской науки и промышленности позволил приступить к выполнению грандиозных задач – развитию ядерной физики. Путь, которым прошли ученые-исследователи атомного ядра, был крайне сложным. Потребовалось приложить немало усилий для разработки теоретических положений и соответствующей аппаратуры, т.е. потребовались сложнейшие инструменты, с помощью которых можно было проникнуть в глубину веществ. Одним из разновидностей таких инструментов являются бетатроны, которые и были разработаны впервые в СССР, в стенах ТПИ. Одним из авторов этих работ был Вадим Никонovich.

Сегодня Томские бетатроны выпускают серийно, их закупили даже высокоразвитые в техническом отношении страны Запада. Томские бетатроны видел Париж, Нью-Йорк и другие города, где были организованы международные выставки.

Я думаю, что никто не станет отрицать, что бетатрон довольно сложный электротехнический аппарат. Да, необходимо было создать совершенно новую, неведомую и небывалую по точности установку.

Бесперспективно рассматривать "вчера" с позиций "сегодня" ... хотя, зерна будущего зрели именно в недрах того времени. К чему разговор?

Да к тому, что, глядя в прошлое, невозможно понять людей, применяя к ним жизненные принципы сегодняшнего дня. Т.е., давая те или иные оценки, безусловно, следует все время держать в уме особенности того времени.

Итак, приходилось "на ходу" решать ряд совершенно новых теоретических и инженерных вопросов в области электроники, электротехники, вакуумной техники. За сравнительно небольшой срок бетатрон из несовершенной лабораторной установки превратился в современный электротехнический

аппарат, нашедший применения не только в физических исследованиях, но и в технике и в медицине.

Но волею судьбы, на смену этого научного направления ФТФ потребовались усилия по развитию атомной энергетики. А началом новой эпохи в развитии энергетики явился пуск в 1954 г. первой в мире АЭС. Это чудо, совершенное советскими учеными, рабочими и инженерами, показало, что атом можно заставить вырабатывать электроэнергию. В этот период стране нужны были кадры, нужны были решения многих научных вопросов, связанных с развитием этого направления. Вся дальнейшая жизнь Вадима Никоновича и была связана с этими задачами. В 1954 г. была открыта кафедра 24, которую он возглавил, потребовался научный и педагогический коллектив, который и был создан усилиями Вадима Никоновича. На это потребовалось громадное количество сил и энергии, ведь энтузиастов работать "на целине" находится не так уж и много. И только тогда, когда появляются результаты, появляются и обилие предложений.

Наряду с коллективом позже была создана и научная лаборатория (по решению двух Министерств: высшего образования и среднего машиностроения), созданы условия для формирования нового научного направления. По проведенным исследованиям были получены существенные результаты. Эти достижения были бы невозможны без созданной и ныне действующей системы подготовки научных кадров. Главным звеном этой системы остается аспирантура, использование в работе со студентами всего потенциала (кадрового и материального), что и позволило выпускать специалистов, уже владеющих навыком исследователя. В результате многие выпускники оказались неплохо подготовлены как к практической инженерной работе, так и к поступлению в аспирантуру. Нельзя не отметить, что работа с человеческой "рудой" всегда была очень непростой. Мы считаем, что итоги по выпуску аспирантов на факультете и кафедре были не плохие. Напомним, что примерно, за десять последних лет жизни Вадима Никоновича под его руководством было защищено 20 диссертаций (некоторые из них после его кончины). Некоторые из этих 20-ти защитившихся впоследствии стали докторами наук.

Люди говорят, что труд научных работников, открывающие новые явления, обнаруживающий новые закономерности, овеян романтикой. Возможно и так. Но вместе с тем это тяжелый, кропотливый и вполне прозаический труд, полный лишений, срывов, несбывшихся надежд. Приходилось обрабатывать "тонны" идей. Со страшным упорством в течение многих лет мы ежедневно перевоплощались по очереди в ученого, квалифицированного рабочего, инженера, чернорабочего. Нужны были постоянные творческие дискуссии. Но это труд рядового исполнителя. А каков он у руководителя? Древнейшая коллизия ученого мира: руководитель дает идею, ученик "вышивает" рисунок по его схеме.

Да, у руководителя нелегкая жизнь. Причин тому много: высокая ответственность за практическую реализацию разработок, руководимый им отдел должен был иметь замкнутый комплекс, где должно быть осуществлено все от возникновения идеи до ее воплощения в производство, и все это под единым руководством. Т.е. налицо большой объем работы при возросшей степени ее ответственности, требование большого умственного и волевого напряжения.

А теперь я постараюсь кратко напомнить о некоторых аспектах жизни Вадима Никоновича на руководимой им кафедре. Моя задача осложняется обилием материала (конечно непечатного), но я вынужден использовать лишь небольшую часть фактов, о которых хочется вспомнить. И здесь я столкнулся с невозможностью установить при их отборе непогрешимые критерии, т.е. я не берусь утверждать, что отбор по памяти сделан с безукоризненной тщательностью.

Сегодня я слегка попытаюсь вас вернуть в атмосферу того времени. Ручаюсь ли я за точность, спустя столько лет? Да, за точность мыслей, но не слов. Вначале о том, как рождался руководимый им коллектив.

Все знают, что в те годы не было прямых специалистов по автоматике, КИПУ и, тем более, по вычислительной технике. Коллектив создавался из людей – преимущественно молодых специалистов. Была создана научная проблемная тематика, начали регулярно работать научные семинары, где властвовал метод "мозгового штурма". С одной стороны это безжалостная система! Но под таким напором новая мысль обретала более строгий вид.

Поначалу мы задавались вопросом: зачем нам слушать все работы и сообщения, подчас далекие от главных наших тем и идей. Но Вадим Никонович убеждал нас и учил, что не нужно бояться принимать участия в научных разговорах, если даже у нас из-за отсутствия предварительных знаний по данной проблеме после этого останется не более двух-трех разрозненных впечатлений или фраз. Они позднее обязательно воплотятся в некую единую картину. И, действительно, оказалось, что мы без особого напряжения за счет таких несистематических занятий получали знаний подчас не меньше, чем получаем при регулярной работе. Эти знания оказывают еще и стимулирующее влияние, поскольку именно в процессе их усвоения четко осознаешь наиболее существенные бреши и противоречия в складывающейся картине. Что же касается Вадима Никоновича, то он старался создать на кафедре ту обстановку, в которой человеку уютно жить и работать, а тогда и мысли рождались без натуги, как бы сами собой.

Я вспоминаю свои встречи и беседы с Вадимом Никоновичем. Во всех случаях, независимо от согласия или разногласия, у меня осталось впечатление о его настойчивом и пытливым уме, о его неизмен-

ном стремлении понять собеседника. Могу сказать, что далеко не все, кто бурно выражая свое несогласие с его мнением, были вдохновлены благородным стремлением к развитию познания. Их беспокоило совсем другое – его решения наносили удар по их необоснованным и не заслуженным притязаниям.

Мы считаем, что его деятельность в качестве заведующего кафедрой была достаточно плодотворной. Он всегда давал полную свободу поиска (или, как говорят, никогда не мешал работать) и возможность своим сотрудникам развернуть их способности. И, может быть зря, ибо некоторые неправильно воспользовались этим, что приносило в последствии много неприятностей. Следуя логике великого А.П. Чехова – университет развивает все способности – и положительные, и отрицательные. Но сегодня об этом не хочется говорить, вспоминать. И в тоже время Вадим Никонович задавал основной тон всей деятельности кафедры и отдела лаборатории. Его деятельность к пятидесятым годам его жизни была довольно активной. Темы и планы его идей были связаны в, основном, с процессом создания первичных преобразователей и автоматических устройств контроля, воплощения их в "металл" и внедрение в производство.

Но болезнь (как это стало известно позже) обострялась, хотя внешне это проявлялось мало, а сам он об этом не любил говорить. Вадим Никонович был убежден в хорошем будущем, что он успешно закончит и защитит докторскую диссертацию. Он плани-

ровал вперед на многие годы, а это значит, что он намечал еще многое сделать и сделать более важное и значительное, чем все, что удалось до этого.

Могу только удивляться, даже при слабой надежде, – за день до роковой операции, я получил от него письмо, полное забот о кафедре, о людях, о научной работе, и ни слова о своих страданиях. Он с прежним напором рвался на работу. Он надеялся, что выбыл из строя ненадолго.

Что же остается для тех, кто его знал?

Воспоминания: все мы его ученики знаем богатство его сердца, его возмущения нечестностью и подлостью и веселое спокойствие в отношении мелочей. Он не уставал руководить молодежью и всегда стремился подать надежды и указать новые пути. Он ценил достижения своих учеников. Мы всегда его ощущаем рядом с нами.

В заключении хочется сказать, что эти первые ласточки начального периода становления кафедры, коллектива, под руководством Вадима Никоновича позволили готовить новый тип выпускника, который должен был побеждать. Наиболее отзывчивая часть молодежи уже с первых курсов заражалась "микробом" научного поиска, новыми взглядами на учебу. Благодаря той атмосфере, мы имели определенные успехи в изобретательной деятельности не только сотрудников, но и студентов; в опубликованных научных трудах, внедренных в производство разработках, защищенных диссертациях.